

НАДЕЖДА МАМАЕВА

АКАДЕМИЯ

ТАЛИСМАН

ФАМИЛЬЯР

НА МОЮ ГОЛОВУ

2

Академия Талисман

Надежда Мамаева

Фамильяр на мою голову! Книга 2

«Автор»

2026

Мамаева Н.

Фамильяр на мою голову! Книга 2 / Н. Мамаева — «Автор»,
2026 — (Академия Талисман)

ВТОРОЙ ТОМ ЗАВЕРШЕННОЙ ДИЛОГИИ У меня нет магии. Зато есть цель. У него нет сердца. Зато есть стальной характер. А еще холодный ум, сарказм и идеальная репутация аристократа. В общем, куча недостатков. И плевать бы на них, но... Этот тип посмел встать на моем пути! А я хотела-то всего ничего: стать своей среди этих адептов академии, где учатся отпрыски влиятельнейших родов, уговорить их стать меценатами «фонда помощи фамильярам» и под это дело собрать сумму на выкуп отца из долговой ямы. Красивая легенда, искренняя улыбка, чужая магия — кто проверит? А вот поверили — все! Кроме одного! Он подозревает, задает вопросы, интересуется мной... Только если я проколюсь, то пересяду с учебной скамьи прямиком на тюремную. А отец останется в долговой яме навсегда. Клянусь, если этот проклятый выпускник испортит мне все дело, то я ему — всю жизнь! Тем более что у этого благородного типа есть и свои опасные секреты...

© Мамаева Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Глава 10	6
Глава 11	14
Глава 12	20
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Фамильяр на мою голову! Книга 2

Глава

ЭТО ВТОРАЯ ЧАСТЬ ДИЛОГИИ
[ПЕРВЫЙ ТОМ МОЖНО ПРОЧЕСТЬ ЗДЕСЬ](#)

Глава 10

Полигон, когда я добралась до него, все так же безмолвствовал, ворота все так же были приоткрыты, пятно от боевого заклинания так же с поля никуда не удрало...

Я уже было хотела вернуться в тепер уже точно проклятую рощу. Сомневаюсь, что до этого на нее было наложено чернословие, из-за которого, при откате черной магии, деревья и взбесились. как реакция деревьев на откат. Если бы было так, то зачем малефику скрывать факт нападения? Он же прибил эти озверевшие стволы из самозащиты.

В общем, с этим одаренным мраком дело ясное, что дело темное. С такими мыслями я уже прошла мимо ворот, свернула в кусты, когда мимо меня на бешеной скорости пронесся парень, кажется, даже не заметив, и метнулся в открытые ворота так, словно как минимум спасал весь мир от армагеддона, который кто-то решил устроить в домашних условиях.

Хотя, какое мне дело, может, и так... Или. Стоп! Еще какое дело! Нас же накрыло из-за всплеска темной силы. И он был где-то рядом!

Я тенью метнулась за брюнетом. Правда, ноги у него были длиннее, он сам — быстрее. Да и еще эта его темная взлохмаченная масть, с которой в ночи только и прятаться...

Как итог, я очутилась в ангаре гораздо позже и, прислонившись к двери, услышала лишь обрывок разговора:

– Что случилось? Допризывалась? — отчеканил мужской голос и добавил: – Какое вопиющее нарушение устава Академии и базовых техник безопасности. И что мне теперь с тобой делать, а?

– В смысле «что со мной делать»? – возмутился звонкий девичий. – Какие вообще есть варианты?

Из дальнейшего подслушанного разговора выяснилось, что оные весьма интригующи и двусмысленны. Правда, жаль, что эта парочка беседовала не на одном месте, а решила выйти. Так что, когда скрипнула дверь, мне пришлось вжаться в стену. При этом я едва не получила распахнувшейся створкой по носу.

Как, оказывается, тяжела, неказиста и опасна жизнь начинающего шпиона.

Зато я узнала кое-что важное! Имя призвавшей то ли не того, то ли не так чародейки — Райли Фэйн. Оно прозвучало, когда маг взял в руки подписанную девичью тетрадь.

В мозгу перещелкнуло, и тотчас в голове словно выскочила папка, зашелестев воображаемыми страницами. Знаменитый светлый род. Аристократы в энном поколении, идеальное генеалогическое древо и идеальный же банковский счет. Ну и репутация, само собой разумеется. И чтобы наследница династии — и увлекалась призывами... Интересно.

А еще полностью совпадает со словами Себа о том, что всплеск темной силы спровоцировал нападение на нас.

«Все же малефик не солгал. А у меня паранойя», — с такими мыслями я бесшумно следом за парочкой покинула полигон, чтобы отправиться, куда и хотела: за потерянной сумкой.

А то это не академия, а сплошные тайны! И шагу нельзя ступить, чтобы не вляпаться в чужой секрет. А у меня и своих хватает!

Благо больше за сегодняшнюю ночь я ни в какие неприятности не угодила. Зато ногой в яму — да. Но сумку таки нашла! Правда, скорее не благодаря упорству, а вопреки законам статистики. Ибо ее деревья качественно обложили, как загоняемого волка флажками, своими ветками.

Но я вырвала торбу из их загребущих сучков и наконец-то отправилась в общежитие. Так и не попав на ужин. И удивительно, я не жалела, что этот вечер оказался насыщен не запеченными перепелками, а приключениями.

Хотя мой живот был с этим не согласен.

В общежитие вернулась поздно. Очень поздно, но Модеста даже не упрекнула. Лишь сообщила, что адептка, судя по описанию — Найриша, обо мне спрашивала и беспокоилась.

Эх... вот зачем она так. Я не хотела к ней привязываться, но оно само собой получалось. Сейчас еще и искреннее участие приятельницы добавило в копилочку дружбы не просто монетку, а золотой. И это было плохо. Потому как куда проще использовать людей чужих, к которым ничего не испытываешь. Другое дело — близкие...

В груди что-то противно так сжалось. И я в ответ тоже сжала. Кулаки. Напомнив себе, что я стерва. И порой только этим и сильна.

Но помогло слабо.

Засыпала я, несмотря на невероятную усталость, долго. Ворочалась с боку на бок, взбивала подушку и под утро наконец задремала, чтобы с рассветом проснуться ни свет ни заря и заметить то, что вчера упустила из виду: то, как мне удалось не запачкать платье. Обувь вся была в грязи, а на творении Патрика — ни пятнышка!

Не иначе везение.

Впрочем, приключенческое платье я пока решила оставить на потом и на завтрак облачиться в еще одно творение утонченного блондина. На этот раз — элегантную блузку и строгую юбку, потому как времени было достаточно, чтобы успеть и сходить в столовую, и вернуться, чтобы переодеться в робу.

Ибо к знакомствам, особенно полезным, нужно быть всегда готовой и во всеоружии внешнего вида и обаяния как минимум. Вот только, когда я с подносом отходила от раздачи, в меня, точно пушечное ядро, влетела какая-то девица.

Темноволосая, остроносая, выше меня на голову и с талией, которой позавидуют осы, она походя пробормотала извинения и, не оглядываясь, ринулась дальше. А я и опрокинутый взвар остались. И только тут, глянув на блузку, я поняла, почему вчера не изгвадалась. Ткань оказалась заговоренной, и сейчас липкая жижга стекла с нее, не оставив и следа. Патрик был выше всяких похвал. Была бы я обычной адепткой — влюбилась бы. Ну или как минимум обратила бы внимание на такого парня. Но пока же уделила все это внимание студентке, которая меня едва не снесла.

Полуобернувшись, я увидела, как она шустро подскочила к раздаче.

— Есть что-нибудь для Эйрин Имерхольд? — чуть заискивающе поинтересовалась она у одного из поваров.

— Да, вот вам плюшку передали, — отозвался тот.

И в девичьи руки перекечевала ароматная сдоба. Правда, с ней студентка отчего-то не присела за один из столиков, а сразу же направилась к выходу.

Хм, странно: то ли она есть при всех стесняется, то ли просто скрытная. А может, на особой сухомяточной диете или куда-то спешит... Проводив эту стремительную чародейку взглядом, я перевела оный на магов более неспешных и респектабельных. Увы, среди них знакомых мне лиц не было. Да и вообще народу в зоне платников оказалось катастрофически мало, ибо слишком рано.

Но я таки нашла знакомые лица. С рыженькими второкурсницами Фелисией и Таришей, урожденными Броан, меня познакомил Патрик за одним из ужинов.

Все же отличный он парень! Даже совестно, что не могу ему отплатить добром за добро...

Компанию им составил дуэт парней, которым меня и представила одна из сестер. И если рыженькие погодки были из весьма состоятельного, пусть и не родовитого семейства, то магики оказались поголубее кровями.

Один — надменный на той грани, когда это еще не раздражает, а кажется притягательным, некромант — Кайрл Эйларис. Лицо было мне знакомым, и, чуть сосредоточившись, я вспомнила, где его видела. Он вместе с Себом привез нам в первый день бульбового рабства не дурные вести, но хуже: ящики с вопившими клубнями. Вторым оказался Эйлар Сандерс,

первокурсник-боевик, жгучий брюнет, глаза которого вспыхнули, едва я заговорила о фамильярах. Кажется, этот парень был просто фанатом магозверей, бестий и просто темных существ. Так что сцепились мы с ним языками намертво, обсуждая фамов и не только. Я всю рассказывала о будущем фонде, Эйлар — о классификации и уникальных химероидах, характерных особенностях оных. Не обошли мы и тему болезней магических существ.

Здесь разговор уже поддержала Фелисия:

— Ладно бы фамы просто болели! Они умирают. В том году магозвери погибли у двух первокурсников: кажется, у одного был малый цилинь, размером чуть больше котенка, у второго вроде зайцелоп, — и девушка на себе даже показала ветвистые рога, какие обычно при-
сущи последнему. Ей только клыков не хватало для полного сходства с этим пушистиком.

— А что с ними случилось? Проклятие? Зараза?

— Неизвестно. Просто обоих фамов в разное время нашли. Цилиня вроде сразу мертвым, а зайцелоп еще дышал... Может, и могли бы спасти, но хозяин не знал, куда с ним бежать. И пока искал бестиолога, кроль скончался.

— И оба раза звери были не простые, а легендарные? — нахмурился фанат хтоней.

— Да, — отозвалась Фелисия. — Списали на то, что они могли попасть под раздачу какого-то из охранных заклинаний. У большинства же обычные магические животные, а не из легенд... Вот под простых фамов плетения и рассчитываются. Ну, это по версии академии...

— Ты сказала — нашли, — уточнила я, вспомнив, что упоминание об этом случае встречала в сплетнике. И, кажется, дело тогда спустили на тормозах. — Выходит, фамы были без хозяев?

— Ну да, — кивнула Фелисия так, что ее копна волос взметнулась рыжим облаком. — Оба студента отправляли зверей на ночные вылазки. После этого, кстати, многие фамов и бояться отпускать далеко одних. Ну и вообще лишний раз их всем показывать. Особенно если животное яркое. Так что везет тем, у кого звери умеют сливаться с тенями.

— Угу. Как у того же Вокса Неймара. У него, говорят, сумрачная тварь. Ее захочешь — не увидишь: она отлично умеет маскироваться в полумраке, — поддакнула вторая Броан и добавила: — Кстати, именно поэтому я так люблю ритуал призыва фамильяров — на нем можно посмотреть, у кого какой зверь. А то в остальное время они все больше по украшениям прячутся.

Что ж, теперь понятно, почему в академии, где должно быть полно фамильяров, их особо не заметно. Как и времени!

Оно промчалось так быстро, что я спохватилась в последний момент и, наскоро поблагодарив за компанию, попрощалась и побежала переодеваться, чтобы успеть на переключку.

На нее я прибежала за минуту до того, как дисциплинарник начал зачитывать по списку имена. Сегодня был новый тип с брошкой отличия, который представился как Натан Регрэнн. И был он цельным главой этого самого комитета по порядку и нравственности. В общем, априори являлся самым порядочным. А вот студентом академии или просто занудой — это уже вопрос. Хотя идеальная внешность, выправка и четкость, с какой он называл фамилии, склоняли меня к тому, что за этой личиной у парня скрывается не просто пара скелетиков в шкафу, а минимум склеп. Потому что я, сама вынужденная обманывать, не верила в эту самую идеальность.

С такими мыслями я и стояла в третьем ряду и прислушивалась к фамилиям, впервые не просто чтобы отозваться на «Бэтфлейм». Я запоминала. Какое имя какому лицу соответствует.

— Грейвен Адриан — здесь!

— Тоба Матильда — здесь!

— Десент Антуан — здесь!

— Фарроу Летиция — здесь!

Кого-то не успевала заметить — так приходилось вертеть головой. А вот Райли Фэйн не пропустила. Вчера на полигоне я успела разглядеть ее только со спины, когда они с брюнетом спешно покидали место неудачного призыва.

Сегодня же, при дневном свете, я смогла увидеть куда больше. Девушка была тонкая, изящная, точно фарфоровая статуэтка. Грациозная даже в рабочей робе. И да, блондинка! Вчера мне не показалось. Хотя были сомнения: вдруг это игра теней и Фэйн просто седая? А что?.. Бывает же такое! Я здесь одного с выбеленной прядью знаю...

Рядом с моей наблюдаемой меж тем отозвалась Иллори Риван — жгучая брюнетка с фигурой смелых мужских мечтаний.

Как позже выяснилось, эти две студентки работали в паре. Да так слаженно, что создавалось ощущение: либо они подруги, либо и вовсе, не побоюсь этого слова, соавторы. Потому как одна подхватывала, точно фразы, движения другой — очень быстро и технично. Бульба даже вопить не успевала.

При этом Райли выглядела совершенно невозмутимой. Ни тени вчерашнего «вопиющего нарушения» на ее лице. Образцовая аристократка. Образцовая студентка. Образцовая... лгунья? Ух, не знала, что на моей нынешней стезе лицедейства у меня столько конкуренток...

Впрочем, я хоть и приглядывалась к Фэйн, но при переключке успела услышать еще пару интересных аристократических фамилий. И запомнить носителей оных. Так что теперь знала, к кому подойти познакомиться. Только обратила внимание: как-то мало аристократов на поле. Не иначе коста-бульба их подкосила, точно хворь. К слову, я оказалась недалеко от истины. Позже выяснилось, что у кого-то вчера возникли срочные дела, кто-то сегодня получил лекарский отвод от физических трудов. И только мы с Найришей свои работы честно купили!

И с этим чувством высокой социальной ответственности мы с блондинкой и удалились через кусты на свободу от садистского полевого рабства. У обеих нас оказались срочные дела: мне нужно было в библиотеку, подруге (вот как ни избегала я этого слова, а с каждым днем оно было все ближе, и вот меня настигло — я даже почти смирилась) — ответить на ворох деловых писем. Потому как учеба в академии — дело хорошее, но обязанностей будущей графини это не отменяет.

Так что, вернувшись в общежитие, мы разбежались по комнатам, я наскоро переоделась, чтобы не светить робой в приличных местах и не вызывать одним этим массу вопросов, и отправилась искать информацию о ритуале призыва души.

Нет, мама порой вызывала ба с того света для совета, но то мама... А мне предстояло провести ритуал впервые. И хорошо бы для него кое-что уточнить.

Конечно, лучше было бы обряд и вовсе не проводить, но... Организатор фонда фамильяров — и без собственного магозверя? Это, мягко говоря, не внушает доверия.

А мне нужно было быть образцом оного. Так что путь был только один: в книгохранилище. В том, к слову, царили тишина, покой и Арчибалд Кроу. Вид этого библиотекаря мягко намекал, что сея старая развалина видела еще становление империй, великое расхождение материков, образование гор и... Переживет еще всех студентов вместе взятых.

Поприветствовав хранителя книг, я отправилась в секцию магического права, а из нее уже, когда местный владыка фолиантов отвернулся, шмыгнула в сторону отдела некромантии, куда младшие курсы не пускали.

Там прошла к дальнему стеллажу, где хранились книги по ритуалам призыва. На полках их было множество. Причем помимо обычных изданий были чувствительные к магии и даже свету (о чем сообщали пометки на корешках). Последние можно было читать лишь при загоревших свечах и, подозреваю, в стальных перчатках, дабы остаться при своих конечностях.

Такие хищные фолианты я обошла стороной, отдав предпочтение тем, которые можно просто читать, а не добывать из них информацию, когда издание пытается добить тебя.

Взяла первую книгу, открыла, начала читать: «Ритуал призыва демона». Нет, не то. Вторая: «Извлечение из бездны и подчинение темного помощника». Снова мимо. Третья: «Закливание порабощения существ высших порядков». Да чтоб тебя! Почему всех так тянет на мрачную пакость? Где книга по нормальному и вполне себе безопасному ритуалу? Это не библиотека, а склад запрещенки какой-то, с подробными пошаговыми инструкциями, как любопытным студентам убится самым изощренным образом, да и только!

Но наконец я нашла нужную книгу и внимательно вчиталась, выбрала ритуал, в котором магию резерва можно заменить на амулеты, и запомнила написанное от и до. Отлично!

Правда, когда уже собралась ставить книгу обратно на полку, ощутила сопротивление. Глянула — оказалось, что там враспырку стоит буклет «Сплетника». Не иначе он выпал сверху, когда я книгу взяла. Сколько же этих пасквилей по академии разбросано в самых неожиданных местах!

Этот еще и старый, судя по пожелтевшим страницам.

Достала его. Хм... интересенько. Судя по датам и содержанию, буклетик вышел в свет лет так десять назад. Не иначе одно из первых изданий. Да и бумага по плотности другая, еще и с тиснением...

Усмехнулась, ибо сама того не ожидая, я нашла в библиотеке куда больше интересного, чем планировала. И, подхватив книгу под мышку, отправилась в архивный отдел, где и провела еще пару часов, перелистывая уже списки сотрудников академии, сопоставляя нынешние и десятилетней давности. И выяснилось интересное...

Всего тридцать четыре имени подходили под тех, кто работал здесь десять лет назад, без перерыва на декреты, болезни, смерть (высшие мертвые существа я тоже исключать не стала, поскольку некоторые профессора в лучших традициях вампиров, даже улегшись в гроб, могут продолжать пить студенческую кровь, пугать, портить нервы и преподавать). Добавила к этому доступ к сведениям о студентах и физическую возможность вести колонки «Сплетника».

Допустим, тех же поваров я исключила. Целый день на кухне — сплетни не пособираешь. Опять же подсобных рабочих, тех, кто работает с утра до вечера и со службы отлучиться не может. Им по кустам некогда заседать, подглядывая за поцелуями и оплеухами.

— Круг сужается... — с предвкушением протянула я.

Вычислить этого писаку-анонимуса стало для меня делом принципа. Но это чуть позже. А пока стоит заняться делами ближними. Например — возвращением фолианта по призывам, который я случайно прихватила в отделе некромантии.

Вот только рядом с оным, как назло, коршуном кружил библиотекарь, так что я запихнула книгу в сумку, прижав к изданию один из блокирующих артефактов. Так что вынос книги из хранилища прошел незаметно.

А я мысленно хмыкнула, что теперь могу официально считаться не только авантюристкой, обманщицей, но и воровкой.

И неважно, что я завтра эту книгу подброшу обратно... Взяла же!

Правда, совесть терзала меня недолго. Ровно до возвращения в комнату. А там ее в угол задвинула госпожа Необходимость. Нужно было подготовиться к вызову бабули. Не знаю, согласится ли теща помочь своему зятю — отношения между ба и папой были с огоньком. Да таким, что пульсары по дому летали. Но... внучке же своей она не откажет?

Правда, удастся ли до нее дозваться? Я, конечно, захватила в академию все возможные амулеты, артефакты и даже зачем-то шаманский бубен... видимо, чтоб в него дать кому-то надоедливому, но не факт, что все это поможет. Только выхода-то особо нет.

Так что я разложила все свои богатства на полу и принялась отбирать необходимые. И ближе к вечеру поняла: придется тащить почти все! Ну, кроме бубна. Хотя... Не, все же его не нужно. А череп ба взять обязательно!

Я спохватилась лишь вечером, уже традиционно едва не опоздав на переключку. А после нее, опять же, был традиционный ужин налаживания связей. И в этот раз я даже не налажала, а смогла добраться от точки А — общежития, до точки Б — столовой, не потерявшись по дороге во всяких там рощах.

За нашим столом кроме Найриши, Патрика, Адриана были еще утренний Эйлар и новые лица — Мира Мовур и Тариша Логг, и, конечно, мы снова обсуждали фонд.

Так что вымоталась я знатно. Вернулась в комнату, готовая упасть и сдохнуть. Но нужно было ползти на кладбище! Ибо призыв бабули.

Впервые я ощущала такое сродство душ с умертвием. Хотя правильнее все же, наверное, родство не душ, а туш. Ибо у поднятых из могилы неупокойников наличествует только тело, без всяких эфирных эманаций.

И, как неупокойник же, ближе к излому ночи потянулась в сторону склепов.

Кладбище академии, как я и подозревала, оказалось еще одним местом свиданий влюбленных по версии идиотов-старшекурсников. Ибо на их карте это место значилось как дюже романтичное и уединенное.

Хотя если ты некромант — то все в принципе совпадает. К тому же в полночь здесь начали распускаться кристаллоцветы. . . Папа их всегда любил. Эти растения напоминали собой наполовину вылезшие из земли минералы. Но стоило тронуть их рукой — как они тут же пугались и ныряли под землю. А днем и вовсе пережидали губительный для них яркий свет глубоко в почве.

Сегодня же луна была почти полной. Березы, которые днем казались светлыми и сквозистыми, сейчас напоминали траурное кружево. Погост был старым. Едва ли не старше самой академии, а потому место, как говорила мама, настоялось. Пропиталось духом смерти, оттого и связь меж миром живых и мертвых здесь была чуть тоньше.

Отыскав ровный пяточок, я расстелила на нем платок с вычерченной матушкиной рукой ритуальной пентаграммой и рунами, которые были напитаны маминой же силой. Разложила по углам лучей амулеты, поставила чуть подальше заготовленные свечи. В центр рисунка водрузила бабулин череп и кольцо.

Сверилась с украденной книгой. Не столько чтобы что-то сопоставить, сколько успокоить себя.

А потом активировала первый из амулетов.

Тотчас тот послал импульс ко второму, третьему, и так по цепочке зажглись все. А после разом вспыхнули, и соловей, заливавшийся в кустах, вдруг заглох. И, кажется, с ветки что-то тотчас упало. . .

А в следующий миг вокруг черепа закрутилась воронка пламени, и из самой ее сердцевины ко мне пришел песец. Полный. Большой.

Он же — бабуля собственной персоной, ибо нормального человекоподобного облика у моей родственницы не было. Его у нее сперли. Демоны, которых оказалось гораздо более одного, в теле тщедушного мужичка, разводившего пушнину на воротники и покупателей на деньги, когда выдавал шкурку сурка под видом соболей. И вот в такого-то торгаша исчадия пекла и подселились целым кагалом. И, когда Брунгильда Кавацевич выбила их из разводилы (в том числе и кулаками), темные накинудись уже на нее скопом, едва не выпив всю душу. Но бабуля выстояла в этой схватке, отправила рогатых гадов обратно в преисподнюю, а потом, чтобы ее разодранная в клочья душа не распалась на части и смогла заполнить собой тела, втянула в себя дух того, кто был ближе всего. Песца. Только отчего-то он в эфемерной форме из белого и пушистого превратился в пламенного. Не иначе из-за характера бабули, которая была не женщина — огонь.

Вот и песец тоже вышел не простой, а весь в сполохах пламени. Ну и размером с теленка — если в зримой форме. Ее бабуля, к слову, больше уважала, чем невидимую, когда слышен лишь голос духа. Хотя папа до сих пор вздрагивал при виде огненной на важных семейных собраниях, на которые мама звала и бабулю (смерть — не повод не участвовать в жизни родни!) с того света. А дедушка, первый десяток лет после смерти любимой Брунгильды все никак не мог принять ее новый призрачный облик. Ибо у всех призраки как призраки, а у нас — песец. Огненный. Но лучше так, чем вовсе развеянная душа.

Кстати, торговец пушниной после спасения перешел на садоводство. То ли потому, что овощного просветления достиг, то ли потому, что звери во время изгнания демонов тоже того... Самоизгнались из клеток, когда те попадали и открылись. Случайно. Все.

Глава 11

В ночной темноте мы с ба лицезрели друг друга в безмолвии с минуту, не меньше. Даже очухавшийся от испуга соловей на ветку вновь вспорхнул, но раскрыть клюв не решался.

И, лишь когда наступившая гробовая (вполне себе в прямом смысле, с учетом места встречи) тишина начала затягиваться точно удавка на шее, Брунгильда Кавацевич для всех, а для меня просто бабушка Бру, ее нарушила.

— А ты с момента нашей прошлой встречи подросла. И прыщи исчезли, и грудь появилась... — протянула пушистая, огненная, с пронзительным взглядом душа.

— И проблем в жизни добавилось, — поддакнула я, решив: нечего тянуть песца за хвост. Тот, кстати, при этих моих словах непроизвольно дернулся.

— Даже не сомневалась, — фыркнула ба. — Иначе ты бы меня с того света не вызвала... Кстати, почему ты сама, одна, без Марисы? Неужто одаренной стала?

Да, бабушка Бру никогда не любила обтекаемых витиеватых форм и говорила все как есть. А еще не кормила пирожками на убой, не укутывала в три пуховых одеяла, не растирала пяток горчицей и не выводила мне в пеленочном возрасте «щетинку» со спины — в общем, не выполняла обязательный бабушкин минимум по сомнительным оздоровительным процедурам для внуков. За что была порицаема маминной свекровью, она же вторая моя бабушка, со стороны отца. Та считала: кто же побалуеет, понежит, сбережет дитя, если не родня?

А теща, в свою очередь, полагала, что трястись надо мной, окружая тепличными условиями, не стоит. Иначе я к ним сызмальства привыкну и во взрослой жизни зачахну.

В общем, бабули были на противоположных сторонах баррикад не только в вопросе того, что «доча, могла бы найти себе нормального темного, а не эту незабудку в штанах» и «я мать идеального сыночка, которому жуть как не свезло с женой», но и воспитания единственной внучки. И объединяло этих двух деятельных особ лишь одно: печаль по поводу моей бездарности. Правда, вину за оную они дружно сваливали на ошибки родительского выбора своей пары.

Мама с отцом на это только вздыхали и... продолжали еще крепче любить друг друга!

— Нет, силы у меня по-прежнему нет, — призналась меж тем я. — Зато есть мозги, и я ими подумала, что без тебя в нынешней ситуации не обойтись...

— А чего такогостряслось, что ты меня из-за грани выдернула? Между прочим, мы там с твоим дедом в чистилище только начали двух светлых в подкидного обыгрывать! На кону сто небесных куш стояло... — и, перебив саму себя, ба огляделась и уточнила: — Кстати, куда это ты меня вызвала? Почему не семейный склеп, а какое-то сомнительное кладбище...

— Не сомнительное, а светил магических знаний, — я не удержалась от иронии.

— Светил? То-то я смотрю, мрак вокруг... — произнесла бабушка Бру таким тоном, который четко давал понять, что она, как закоренелый полевой практик, думает об этих темных и дремучих ученых теоретиках.

— Этот мрак, между прочим, на погосте академии магии, а я — студентка оной...

— Без дара? — уточнила ба.

— Без дара, — заверила я, в упор посмотрела на песца.

Призраки, конечно, не дышат, но порой в жизни и посмертии каждого существа, нужен ему воздух или нет, наступает миг, когда оно кашляет. Так вот, сейчас был именно он.

Боу даже пришлось лапой нос тереть, чтобы остановиться.

— Та-а-ак, а теперь с этого места поподробнее... — протянула она, плюхнувшись на внушительный хвост и в упор уставившись на меня. У песцов, конечно, не самые выразительные морды, но ба умела передать всю свою мимику, несмотря на пушистость.

Ну а я, вздохнув, начала свой рассказ, по итогу которого на меня обрушилась ожидаемая волна негодования.

— Ладно, ты меня просишь, меня, экзорциста в шестом поколении, прикинуться магическим зверем, и делаешь это даже без особого уважения... — фыркнула Бру. — Но помогать этому неудачнику? Моему зятю??? Пусть лучше сгинет! А дочка найдет себе нормального темного!

— Этот ненормальный светлый готов был жизнь отдать, не то что свободу, когда мама заболела. Он из кожи вон вылез...

— И в долги залез! — перебила меня ба.

— Но если бы не они, то сегодня ты бы в картишки играла на том свете уже с мамой! — рявкнула я в ответ, забыв о том, что экзорцистке, пусть и мертвой, не перечат. Иначе будет не только песец, но и армагеддец, и трындец.

Ба мой тон не понравился. А смысл сказанного — еще больше. Огонь на ее шкуре вспыхнул ярче, отбросив на могильные плиты пляшущие тени.

Между нами снова воцарилась тишина. На этот раз такая, что казалось — вот-вот разом треснут все нервы, даже если они — стальные канаты, как у некоторых песцовых...

Ба смотрела на меня в упор. И я отвечала ей тем же, глядя на песцовую морду точно в прицел.

Если она сейчас фыркнет, взбрыкнет, откажется... Не знаю, что я сделаю. Но выкручусь. Найду другой выход. А этот навсегда запечатаю, как вход в склеп.

И, кажется, что-то такое Бру прочла в моем взгляде, потому что фыркнула и первой отвернулась. Потом подняла лапу, махнула ею, точно прибивая комара, и выдохнула:

— Знаешь, внуча, я всегда считала, что настоящий мужчина должен уметь держать в руках не секатор, а ритуальный кинжал. Иначе не сможет защитить ни семью, ни добыть денег для нее... И я до сих пор продолжаю так думать. Но... кое в чем ты права: если бы он не влез в долги, то моей дочери не было бы в живых. И за это я готова простить ему все остальное... Так что да, я помогу тебе, но в этом тоне, малявка, со мной больше говорить не смей!

Вот только мне почудилось, что на последней фразе не было в голосе Бру присущей ей обычно категоричности...

Впрочем, мне, наверное, все же показалось, ибо ба спустя миг скомандовала:

— Раз уж мне придется изображать фамильяра (как же это унижительно!), нужно, чтобы я была не только видима, как сейчас, но и осязаема...

С этими словами песец подошла ближе, и я ощутила жар, который шел от ее меха.

— Артефакт Фирмуса, толийский малый и Дром-Тим зададут архитектуру тела и структуру, — меж тем продолжала ба.

Причем она даже не спросила, есть ли у меня перечисленное. Нет — будь добра достать! И не важно, когда и как. Узнаю бабулю и понимаю, почему ее даже демоны боялись... А отец вот не испугался... Женился на ее дочери.

Ее полное озверение мы обсуждали долго, так, что у меня даже пятая точка затекать начала, а выпавшая роса — холодить ноги. Но я даже не думала двинуться с места, пока все не решим. Наконец, когда мы обо всем договорились, Бру добавила:

— И еще, внуча, учти. Даже с амулетами я не смогу оставаться в теле долго. Максимум — три часа. Уложись в это время.

— Поняла, — я кивнула, наконец поднимаясь... И только было вздохнула, что можно идти поспать, как песец подкрался незаметно с вопросом:

— А теперь рассказывай, что еще успела натворить, потому что не поверю, что у тебя только одна проблема — фамильяр.

Я вздохнула. И почему она у меня такая проникательная? И ладно бы сквозь стены, как приличный призрак...

Но, прикинув, что хуже уже не будет, рассказала ей и о том, что нужно собрать инвесторов для моего фонда, и о том, что вычислить автора «Сплетника» нужно... А вот о малефике

отчего-то не упомянула. Может, потому что еще сама не определилась: у нас с ним взаимные чувства или все же подозрения...

Зато бабуля разбиралась во всем быстро, и едва я озвучила ей свои умозаключения по поводу создателя пасквиля, она тут же заявила, что понаблюдает за всеми тридцатью четырьмя подозреваемыми. Вот прямо сегодня ночью и начнет. А что? Ей спать не надо. На том свете она засиделась, надо дать жару и на этом! И едва не дала деру от меня с кладбища. Прямо как ее изгоняемый материал из просителя.

— Ты куда? — выдохнула я и даже рукой попыталась схватить иллюзорный хвост. Пальцы, конечно же, прошли сквозь воздух.

— Искать информацию! — бабуля опомнилась и начала таять в воздухе, оставляя за собой шлейф искр.

— А можешь найти неприятности. Это академия. А в стенах ее коридоров не только гасители случайных студенческих заклинаний, но и ловушки для призраков. Угодишь в такую — как мне тебя искать и вызволять?

В общем, я, как могла, старалась завуалировать посыл, что без поводка я ее никуда не отпущу. А то натворит дел, мне потом либо разгрести, либо поглубже зарывать... Зависит от степени живучести этих самых дел.

— Меня? Спасать? — меж тем фыркнула ба с интонацией «Это кто тут кого спасает?». Впрочем, вновь проявляясь во всей своей огненной пушистости.

Однако, всплыв, она все же отошла (не в мир иной, а от гнева) и на маячок по итогу согласилась.

Я быстро достала из сумки заговоренный еще мамой кулон и, взяв его за ремешок, вытянула руку так, что висюлька закачалась в воздухе.

Бру припала на лапы, ее пушистый хвост взметнулся в воздух, а в следующий миг и все тело в прыжке.

Призрачная пролетела через кулон, оставляя в том малую частицу себя.

Камень в подвеске на миг вспыхнул алым и погас. А ба истаяла в воздухе так, что от нее остался лишь голос. Правда, и он вскоре затих.

Надеюсь, что моя деятельная родственница не разнесет академию до рассвета. Тот, кстати, уже скоро, судя по розовеющей полоске на горизонте, так что стоит побыстрее замести все следы и хотя бы немного попытаться поспать.

С такими мыслями я собрала свечи, свернула платок-пентаграмму и разворошила примятую траву. Ну вот и все. Можно сказать, что тайный ритуал прошел удачно. Интересно, с точки зрения статистики всякой творимой студентами запрещенки, мой успешный исход — это скорее норма или исключение?

Над этим вопросом я думала всю дорогу до общежития, вход в которое оказался до удивления легким. Ибо Модеста, к моему удивлению, спала. За столом, уронив голову на сложенные перед собой руки, тихо похрапывала. Проскользнула мимо нее, поднялась к себе, скинула одежду и сделала то, о чем так неистово мечтала, — рухнула на кровать и уснула мгновенно.

А утро встретило меня солнечными зайчиками и запахом цветущей сирени. На улице, уже всюю заливались жаворонки, березы стояли в легкой зеленой дымке, а где-то в кустах, под самым окном, двое спорили о том, как отметить последний учебный день на первой неделе в академии.

Я решила, что тишиной, и захлопнула оставленные приоткрытыми на ночь створки, окончательно проснувшись. Время было семь утра. А вот чего не было — это вестей от бабули. Ни слуху ни духу.

Так что я отправилась в столовую. Вчерашняя адептка на этот раз вписалась не в меня, а чуть не сшибла с ног парня, вновь умыкнула булку и была такова. Интересно, она горячую еду не признает как класс или студентов — за людей, с которыми стоит делить стол? Так или иначе,

я решила, что на завтраках стоит бдеть, чтобы не налететь снова на эту жутко деловую и хитрую (это ж надо — успела с поварами договориться об индивидуальной диете) мисс Сухомятку.

Благо завтра этот самый завтрак я пропущу. А может, и сегодняшний ужин тоже — если вечером смогу под шумок воспользоваться телепортационной башней в обход пропусков. С отцом в тюрьме встретиться важнее.

Завтра я увижу папу

Об этом я думала всю переключку. Правда, после нее мы с Нарисей дружно решили остаться, чтобы не палиться, ибо бульбы было всего ничего, и что-то подсказывало: через пару часов всех пересчитают по головам и отпустят... Так что Арнас копал за троих, я кидала клубни, подруга (вот ведь привязалось словечко — и не выкинешь) заякоривала кусачие клубни магией.

Так прошло чуть больше часа, когда вдруг кончилось все: и ящики с бульбой, и поле, и немножко мы с Нарисей. Вернее, у нее — силы, у меня — период бодрствования. Все же ночное кладбищенское бдение и после него три часа сна — это маловато. Арнас же был отвлратно бодр. Настолько, что казалось — дай ему в одну руку лопату, в другую — мешок золота — и парень влегкую прокопает тоннель до столицы. Там врежется в городскую стену, получит нагоняй от мэра и зароет все обратно в рекордные сроки. Ну или хотя бы зароет кого-нибудь.

Например, дисциплинарника, который заикнулся было, что неплохо бы вскопать теплицы, раз мы столь быстро сегодня освободились.

Мы на этот режим диктатуры ответили готовностью к восстанию. Жажда революции отчетливо читалась в этот миг на наших крестьянско-рабочих лицах. Так что монархия быстро свернула свои полномочия и быстренько объявила, что сегодня праздник труда. В смысле потрудились — и хватит. Теперь можно и праздновать, радоваться весне и вкушать жареные колбаски, которые сегодня обещали в столовой. Даже бесплатникам!

Надо ли говорить, что эта новость всех воодушевила, и студенческая биомасса резво мигрировала в эти кормовые угодья. Я, правда, предпочла перед обедом переодеться. Потому и пришла попозже... Зато увидела обещания в действии.

Колбаски дисциплинарник обещал в каждую тарелку. Так что чевапчичи таки были у всех студентов, но, как говорится, был нюанс...

Мне от щедрот их положили сразу и больше, и были они явно сочнее, чем у бюджетников, и точно из мяса, которое бегало, а не росло, а потом магомодифицировалось в нечто фаршеобразное, с условным вкусом мяса, с условным запахом мяса и с прочими условностями...

Впрочем, на этом я заострять внимания не стала, а вот познакомиться с аристократами, имена и лица которых я запомнила вчера, не преминула. Представилась сама, ну и, разумеется, фонд имени меня тоже всем представила.

Все было отлично, кроме одного. Бабуля так и не появилась. Хотя она прекрасно чувствовала кулон, в котором хранилась ее частица. Так что отыскать дорогу к внучке ей труда не составляло, но... В общем, я искала фамильяра? Ну и нашла на свою голову. Так что нечего жаловаться. А вот призвать — почему бы и нет?

И я, достав из-за ворота шнурок с камнем, сжала тот, усиленно думая о хвостатой родственнице. Правда, ба и при жизни не больно-то отзывалась, если была чем-то увлечена. Сомневаюсь, что ее могила исправила... Так что можно считать, я сделала все, что могла. Надеюсь, мы сегодня все же увидимся...

А вот кого я и не чаяла встретить, был тут как тут. Малефик. Он, хромая, шел мне навстречу, по дороге, что вела к женскому общежитию, в которое я и направлялась. И первой моей мыслью при виде проклятийника было ударить. Плевать, что напролом и через кусты.

Только вот вопрос: от кого именно я хотела при этом сбежать: от него или от себя. Но, подавив этот малодушный порыв, я встретила с гордо поднятой головой свою главную в этой

академии проблему, у которой была седая прядь в темных, точно первородный мрак, волосах, черные глаза и запах, который мне мерещился, когда я засыпала сегодня утром. Вереск и дуб.

— Анита, — хрипло произнес Себ и остановился в нескольких шагах от меня. И от этого единственного произнесенного магом слова мое сердце совершило кульбит. — Я искал тебя...

— Зачем? — выдохнула, вдруг ощутив, что у меня в груди не хватает воздуха, а в речи — слов. И куда они только все враз подевались. Эй, ау! Дезертиры! А ну вернитесь!

— Ну, во-первых, чтобы извиниться из-за нападения...

— Зачем? — снова спросила я, чувствуя себя идиоткой.

Так, мне срочно нужно красноречие! У кого бы занять?.. Хоть в долг под проценты! А то, чую, во мне скоро и этого единственного слова не останется, только одни междометия и паузы.

И, поднатужившись, сосредоточившись, отыскала в лингвистических закромах аж целую фразу:

— Не ты же на меня напал...

— Я тебя туда привел. Риск был минимальный, но... — рвано произнес Себ и, сглотнув, добавил: — Так что это моя вина. И я прошу меня простить и предлагаю искупить ее завтра в полдень прогулкой по столице.

Это что — малефик меня на свидание приглашает? Хотя сам еще хромает! И наверняка ему каждый шаг отдается болью в недавно сросшихся костях. Я это мужество оценила. Как и то, что Себ выбрал для приезжей самый соблазнительный вариант: познакомиться с главным городом королевства поближе...

Эй, красноречие! Как там? Не очнулось от комы?! Мне срочно тебя нужно. Для одного единственного «нет». Ибо свидание с отцом было важнее.

— Себастьян, прости, я не могу, — эти слова буквально выдавила из себя.

Он кивнул, не спрашивая подробностей. И за это одно я была ему уже благодарна.

— Тогда в другой раз, — малефик грустно улыбнулся. Словно понимал: этого другого раза у нас уже не будет...

— Да, — солгала я. — В другой раз.

Себ ушел, а я смотрела на удаляющуюся мужскую спину и думала: именно так и выглядят упущенные возможности... Жаль, что мы встретились с этим проклятийником здесь и сейчас. И нового шанса познакомиться снова, в другое время, в другом месте, где я могла бы быть собой, у нас уже не случится...

Но увы... через неделю, если все удастся, у меня будут деньги, папина свобода и последствия... А потом я отсюда исчезну. Правда, надеюсь, что фонд все же будет жить и без своей создательницы... И вложенные деньги инвесторов к ним вернуться. А Себ останется... И надеюсь, он узнает всю правду об Аните Бэтфлейм как можно позже. Не хотелось бы видеть в этих темных глазах презрение.

— Презрение? Да он в тебя втюрился... — раздался голос бабули рядом, и только тут я поняла, что забылась и произнесла последнюю мысль вслух.

А явившаяся за мной ба и не подумала сделать вид, что она слепо-глухо-немая.

— Скажешь тоже, — фыркнула я, за резкостью скрывая смущение.

— Ну, может, и не влюбился, но глаз точно положил.

«... или лапы», — добавила я, вспомнив про то, как его сила так и норовила потрогать мои голени.

— Даже если так, это ничего не меняет.

— Угу. А то, что рядом с ним ты дышишь через раз — тоже, скажешь, ерунда?

— Да! — рявкнула я.

Потише, конечно, чем недавно на кладбище, когда защищала папу перед Брунгильдой, но на меня оглянулись все в радиусе сотни шагов. Не иначе посчитав за сумасшедшую!

Потому я поспешила уйти и на ходу, не сомневаясь, что дух ба витает где-то рядом, добавила:

— Тебе показалось. Мне нет дела до этого малефика...

Вот зря я это сказала. Бру, узнав, что у Себа темная масть, да еще он — цельный проклятийник, оживилась, несмотря на то что уже лет десять как была мертва.

А я пожалела, отчего ж маленькой не сдохла. Потому что теперь мне пришлось выслушать сто и одну причину, почему темные лучше светлых, рассказать, как вообще меня угораздило с Себом познакомиться (поцелуй в моей редакторской версии был нещадно кастрирован сразу до пощечины), как после мы спасались от взбесившейся роши... А когда случайно обмолвилась о фаме темного — грифоне, то призрак родственница аж от возбуждения проявилась вся в своей огненной пушистости.

— Грифон! И таких размеров?! — выдохнула восхищенно ба и решительно добавила: — Надо брать!

Кого (малефика или его фама) и за что (за жабы или с поличным) — уточнить не успела, ба уже исчезла с криком:

— Скоро вернусь!

«Хорошо бы с компроматом на этого проклятийника», — подумала я. Ибо пусть он мне, может, и нравится, но это не значит, что темный не будет под меня копать. И так он меня в чем-то подозревает... И, копаясь в этих подозрениях, может раскрыть мой план и загубить все спасение папы. Так что лучше иметь против Себа все же пару запасных козырей в рукаве.

В этом я и убеждала себя последующие пару часов. За это время я успела собрать вещи для встречи с папой, сходить к расписанию, которое вывесили для первокурсников на следующую неделю, сверить его и список выданных для учебы книг... Я как раз расставляла те на полки, когда подвеска на моей груди полыхнула и ожгла кожу. Сигнал от ба, которая, кажется, все же нашла на свой хвост проблемы...

Глава 12

Выбравшись из общежития, поправила ремешок моей многострадальной сумки и попыталась определить, откуда идет сигнал. Пошла было в сторону главного корпуса академии, но жжение кристалла вдруг стало чуть меньше. Так, значит, нужно обратно.

Опытом проб и ошибок, ориентируясь на силу сигнала, я и добралась до мужского общежития. На миг замерла. Не-е-ет... Правда, туда? Что ты там забыла, бабуля?

Впрочем, кое-какие догадки появились. Вот только чтобы убедиться в них, нужно было пройти испытание огнедышащим вахтером, у которого, судя по амбре, горели и трубы, и душа...

С этим щупленьким мужичком с красноватыми глазками удалось найти общий язык по сходной цене, и я обменяла пропуск по весьма выгодному для совести курсу: всего один серебряный!

Жаль только, что при этом в моем кошельке денег осталось ровно на еще одну взятку телепортисту. И ни грошом больше. На что я буду жить дальше, не представляла. В общем, мои дела были плохи. Но если не дала бы сребра, то у бабули бы они были еще хуже.

И вообще, призвала на свою голову — отвечай! А еще радуйся, что местный страж мужской добродетели не столь рьяно относится к своим обязанностям и, похоже, считает, что, если ушла девица на вверенной ему территории кого обесчестит... Ну, что ж, всякое случается.

Интересно, этот вахтер такой же бессменный здесь, как и у нас Модеста, или у него есть напарник?

Впрочем, я надеялась, что мне этого выяснять не придется. И я вообще здесь буду в первый и последний раз. Вот только найду ба...

К слову, она оказалась в комнате на третьем этаже. Дверь той была даже открыта...

Толкнув ее, я вошла... И замерла.

Бабуля в своей огненной ипостаси чинно сидела рядом с углом кровати, а ее лапа была в магическом силке.

В общем, порядочный песец в образцово-аккуратной, аж до аскетизма, комнате. Ее убранство ни одним корешком стоящих на полках ровными рядами старых учебников, ни полинялой наволочкой на подушке не говорило о том, что у ее хозяина есть поболее, чем пара медных грошей за душой. И тем не менее я была уверена, что именно здесь, несмотря на всю эту чистоту, явно что-то нечисто!

— И как это понимать? — уточнила я у призрачной.

— Ну нужно же мне было разузнать о том, кто к моей внучке клинья подбивает, — ничуть не смутилась Бру.

— И что узнала?

— Ну... судя по числу книг и порядку — он таки порядочный зануда и педант. Судя по тому, что большинство из них — фолианты по дипломатии, протоколам и словари, — он будущий атташе. Судя по обстановке — бедняк. Судя по числу охранок — параноик, — припечатала ба, дернув лапой, отчего магический силоч натянулся. — У него здесь ловушки на любой выбор: на духов, фамильяров, сумеречников... Даже на демонов есть! — восхищенно закончила бабуля.

— И на людей? — уточнила я.

— Так ты в одной из них, — как о незначительной ерунде заявила призрачная.

Вот не была бы она уже усопшей — убила бы! И только потом глянула на пол, где тьма уже привычно так обвила мою ногу.

А Бру меж тем оптимистично закончила:

— Давай, помоги мне выбраться, а потом я — тебе...

Правда, сказать было куда проще, чем сделать: чтобы разорвать силки, пришлось достать артефакт-рассекатель, который резал плетения чар. Те поддавались отвратительно плохо. Но я все же справилась.

А после занялась уже самоспасением. Вот только все то время, пока мы с ба перебирали всевозможные артефакты и амулеты из моего арсенала, пытаюсь избавиться от тьмы на моей лодыжке, которая была точно кандалы, я не могла отделаться от подозрений, что как-то все слишком гладко, чисто и бедно... Как будто и не было того Себастьяна в городе, богато одетого и сядившегося в самоходную повозку...

А еще эта дверь в комнату, которая была не закрыта. Это у такого-то параноика — и нараспашку?

И в разгар сразу двух эпохальных битв: вопросов в моей голове друг с другом и резака с плетением за мою же ногу — в коридоре послышались шаги... Уверенные, четкие, стремительные. Они приблизились к двери комнаты. Створка распахнулась, и я увидела малефика с пульсаром наперевес на пороге.

Благо за миг до этого бабуля успела истаять и, кажется, даже просочилась из комнаты через стену на улицу.

— Ани? — выдохнул он, словно ожидал увидеть здесь как минимум взвод умертвий с саблями наголо, а не одну живую меня. — Что ты здесь делаешь?

— Тебе сюрприз, — выпалила я.

— Он удался, — сдавленно произнес Себ, словно простудился, и протянул мне руку, помогая подняться. А следом развеял и ловушку, державшую ногу.

А я наконец познала все бабулино коварство. Заманить меня! В мужскую комнату! Приковать, чтоб не удрала раньше времени! Так подставить родную внучку! Я тебе устрою! Дай только выбраться!!! Ну и фамильяр на мою голову!!!

Впрочем, у меня и кроме мести проблем было выше крышки гроба. И самая главная возвышалась сейчас, пристально глядя на меня.

— Да не очень... Просто хотела... — Мысли в мозгу лихорадочно крутились, я искала оправдание этой идиотской ситуации и не нашла ничего лучше, чем: — Тебя еще раз увидеть перед выходными. У меня очень много дел и... И я вправду не могу подарить тебе свидание, но кое-что другое — да...

Мы стояли почти вплотную. Так близко, что нос шекотал аромат вереска, дуба и готовой вот-вот разразиться грозы... И как же эти запахи меня дурманили. Буквально сводили с ума. Так, что ноги подгибались.

Стоило бы сделать шаг назад, чтобы быть хоть чуточку дальше от этого сумасшедшего искушения, каким являлся этот малефик. Весь целиком. От макушки до теней, что растекались под его ногами.

Да, непременно нужно было бежать подальше от этой магической мощи, физической силы, от собственных глупых мыслей. Но отчего-то захотелось... остаться!

— И что же? — спросил проклятийник, и голос его стал ниже, а хрипотца — еще ошутимее.

И я ответила. Привстав на цыпочки, положив ладони на мужские плечи и коснувшись губами губ...

И снова я — инициатор. Да что ж такое-то! Теперь малефик точно посчитает меня совратительницей и вообще похитительницей чести...

Хотя так обычно говорят про мужчин. Тогда будем считать, что мы с малефиком поменялись традиционными ролями. Он — невинная леди-фиалка, я — гнусный искуситель. Вот!

Вся эта ерунда залезла мне в голову в первые секунды поцелуя, который поначалу был легким, осторожным. Словно Себ не верил, что я снова на это отважилась. Но едва он это

осознал, как сильные руки скользнули на мою талию, прижимая к напряженному мужскому телу, а потом по-хозяйски зарылись в волосы.

Ощущения стали полнее, глубже, ярче...

Только бы не потерять голову. Только бы не потерять голову, только бы... Себ прикусил мою нижнюю губу, чуть отстранился и выдохнул:

— Ани!

Все. Потеряла!

В тот самый миг, когда широкие, чуть шершавые мужские ладони начали свое обратное движение по платью, вернувшись на поясницу. Задержались там ненадолго, а потом продолжили скольжение вниз. Оно сопровождалось падением нравов и поднятием подола на возмутительную высоту середины бедра. Чтобы сквозь скомканную ткань сжать ягодицы...

Причем так, что я перестала ощущать пол под собою. Буквально. Ибо меня приподняли над ним. Так, зависнув, вцепившись пальцами в сильные мужские плечи (и отнюдь не от страха!), я вдруг поняла, что на роль невинной фиалки малефик никак не тянет. Хотя бы потому, что из этого образа кое-что выбивается. Вернее, выпирается. Чуть пониже ремня. И я это что-то хорошо чувствую. А еще подозреваю — это не дуло огнестрела.

Кажется, еще немного, и я потеряю не только голову, но и невинность. А это в мои планы не входило... ведь так?

Вот только как теперь остановиться? И не только малефику, а нам обоим. Ибо наше ровное дыхание — одно на двоих, сумасшествие — одно на двоих, и сердце, кажется, тоже. Иначе почему грохот пульса в моих ушах колотит в унисон биению жилки на висках темного?

Пальцы сами собой сжались еще сильнее. Ногти через ткань батиста впились в кожу, наверняка оставляя на той царапины. И ответом этому действию стал глухой стон проклятийника, который еще сильнее сжал мои бедра, чтобы спустя один томительно-сладкий миг отпустить. Я скользнула по напряженному телу Себа и не удержалась, чтобы не прижаться посильнее грудью к его груди.

— Останови меня, Ани... Потому что я этого сделать уже не в силах.

Вот что за народ эти мужчины! Как будто у меня самой силы были! Нет, они, конечно, имелись, но исключительно на разврат, а не сопротивление оному. Так что прерваться казалось просто физически невозможным. Но, когда рука Себа скользнула-таки под подол и я ощутила его пальцы на своем бедре, тень испуга скользнула мне в душу... Все же, какой бы смелой я ни была, кое к чему оказалась не готова. Например, расстаться с наивностью в вопросах невинности. Я перехватила запястье малефика, остановив его.

И не удержалась, посмотрела на наши руки. На свои тонкие пальцы, которые сейчас казались особенно светлыми на фоне смуглой мужской кожи. На перевитое жилами, со следами старых то ли шрамов, то ли ожогов, и вязью рун, с выступающими венами, оголенное из-за закатанных до локтей рукавов предплечье.

У малефика руки были сильные, надежные... Такие, которые точно удержат и защитят. Которым хочется довериться.

Себ замер, тяжело и шумно дыша. А я подняла взор и, когда посмотрела в лицо малефика, увидела затуманенный, расфокусированный взгляд. Пальцы на запястье разжались сами собой.

Язык сам, без моего ведома, облизнул пересохшие губы. И Себ повторил это движение, проведя пальцем по моим губам так, словно это было для него пыткой. Сладкой и неумолимой.

— Иди, пока я могу тебя отпустить... — рваный хриплый голос нарушил тишину комнаты, в которой посреди яркого дня, при открытых шторах, стало темно, точно ночью в склепе.

Тьма такому заявлению возмутилась. Всколыхнулась, заворочалась в углах. А я, вдруг осознав, что и вправду — если сейчас не дам деру, то останусь здесь, причем по доброй воле, сорвалась с места и вылетела в коридор, на миг ощутив, как что-то кольнуло затылок.

Промчалась по лестнице, стрелой пронеслась мимо вахтера и продолжила гонку с самой собой уже на улице. Остановилась лишь у библиотеки. И не потому, что успокоилась. Просто разом ноги, сердце и легкие решили, что они сейчас сдохнут.

— Как же ты быстро бегаешь-то от своего счастья, — раздался голос ба рядом.

Я резко обернулась на него, но призрачная благоразумно не стала принимать зримый облик, ограничившись полтергейстом: ветка сирени рядом со мной задергалась, вещая голосом родственницы.

И, глядя на это фиолетовое соцветие, я высказала ему все, что думаю о своднях, ловушках и хитрых старушках. Ох, как я негодовала, один раз даже на крик сорвалась!

Усовестилась ли ба? Как бы не так!

— Неблагодарная. Я для тебя старалась! Твоя мама не послушалась меня, поставила на чернеющей репутации нашей семьи это белое пятно! А ведь сколько приличных темных кандидатов в женихи у нее было...

Та-а-ак, а вот эту главу семейной саги для меня выдрали из текстового блока, не иначе. Мама о таком не рассказывала. Хотя что-то подсказывало, что «приличные темные кандидаты» было не у матушки, а у бабушки. И, судя по тому, как Бру активна со мной, со своей дочерью она была еще деятельнее...

Да уж... Зная матушкин характер и ее органическое неприятие всего насильно навязываемого, если бы она не влюбилась в папу, она бы вышла замуж за него хотя бы в пику Брунгильде. Так сказать, назло маме отморож... выберу светлого!

Благо все случилось по любви, а через год к ней прибавилась и я. Хотелось надеяться, что и моя семья будет такой же счастливой, полной взаимопонимания, уважения, добра и тепла, как у родителей. Ну а чтобы она не разрушилась, папу надо было спасать.

Этим я и занялась: под возмущенный крик ба я сломала ветку сирени и с той в руках пошла в общежитие, чтобы переодеться, взять вещи и отправиться в телепортационную башню.

Та встретила меня все той же норовистой лестницей, которая сегодня была особенно вредной, словно намеревалась выданное сверх меры благодущие, так что высота каждой ступеньки была разной, отчего парочка студентов, что поднималась впереди меня, то и дело спотыкалась, ругалась и трижды даже валялась... Благо падали магики не на меня.

Телепортист же, в отличие от капризной лестницы, сегодня был особенно благосклонен. А взятка серебром (последним!) и вовсе привела его в отличное расположение.

Я положила монету на регистрационный журнал переходов, когда другие протягивали магистру квитки с разрешениями на выход в город. Телепортист, увидев серебро меж своих записей, быстро захлопнул грессбух и, приветливо улыбнувшись, кивнул мне на место для переноса. Я уже привычно встала меж двух колонн, зажав в руках жетон, по которому расход магии а перенос из столицы в академию брала на себя принимающая сторона, и отдельно за возвращение платить не требовалось. Пентаграмма под ногами вспыхнула мягким янтарным светом, перемещая меня в столичную телепортационную башню.

Когда мы вышли из той на улицу, из кулона на моей шее раздалось:

— А как город-то изменился за ту дюжину лет, что я здесь не была...

— Главное, ты маме об этом не говори. И вообще лучше ничего не произноси, — отозвалась я.

С призрачной мы условились, что она отправляется со мной только при условии, что не выдаст себя ничем. Ни случайным словом, ни шорохом, ни своей рыжей призрачной визуализацией. Иначе у матушки будет о-о-очень много вопросов.

И, хотя я знала неугомонный и своевольный характер ба и вполне отдавала себе отчет, что отчебучить она может все что угодно, не смогла сказать «нет» на ее просьбу увидеть дочь. Но, чтобы экзорцистка живая не учуяла дух усопшей, решено было, что ба пересидит весь

визит в зачарованном кулоне. Сила, заключенная в нем, была немалой, так что вполне могла скрыть призрачные эманации.

— А я и не собиралась, — донесся приглушенный голос Бру. — Знаешь ли, удовольствие ниже среднего, когда дочь выставляет из дома. Но с Марисы станется, не разобравшись, меня и из этого мира выставить.

— Бабуля... — мученически простонала я.

— Молчу-молчу, — заверила та. Правда, хватило ее ровно на пять минут.

Меж тем я шла, жмурясь от весеннего солнца. Столица жила своей обычной жизнью: спешили куда-то люди, гремели самоходные экипажи, а из уличной пекарни «Три колоса», где я, будучи школьницей, любила перехватить булочку, доносился аромат свежего хлеба, корицы и горячих сплетен, которыми обменивались покупательницы. Все как всегда. На прежних местах. И родительский дом тоже.

Он находился на тихой улочке, в тени старых каштанов, которые уже распустили свои белые «свечки». Не самый богатый район. Но уютный.

Я на миг замерла у калитки, глядя на стены, которые помнили мое детство, двери — мои первые шаги, а подоконники — папины травы, которые он сушил для успокоительных настоек. Ибо экзорцизм — дело нервное, здесь без стога валерианы так же тяжело, как без ритуального клинка.

А крыльцо помнило мой отъезд в университет: традиционно в центре столицы высших учебных заведений не было — все на окраинах и выселках от города, ибо магическая академия — все равно что одно большое разрывное проклятие, с учетом числа необученных магов в ее стенах, которые со своей силой могут и не совладать, и разнести все окрест так, что никакой купол не спасет.

А простые университеты, для бездарей вроде меня, из солидарности не стали строить. Чтобы магикам не так обидно было. Потому и вышло, что мне тоже пришлось уехать, как поступила на лингвистический. Но я всегда старалась приезжать на выходные. И мама традиционно меня ждала и встречала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.